

Федор Тугарин и Анастасия Прекрасная

Жив сабе царь да царица, и быв у их адин сын па имени Федар, па празванию Тугарин, и три дачкí. Ти мала, ти богата яны жили, во и умирають, да и приказують сыну свайму, штоб ён паадавав сястёр сваих замуж за первых жанихов. Прашов год, як царь да царица памерли. Во в адин день схватилась буря, завевя Ветяр — так што боже сохрани! Як толька Ветяр далятев да крыльца, и затихло все. Во Ветяр и кажа Федару Тугарину: «Аддай за мене старшаю сваю сястру, а як не аддаш, я тваю хату перевярну и тябе убью!» Ён вывев сястру на крыльцо: як ухватило яё, як заревло да загуло — не знать, куда яна и делась! На третий год Федар аддав такжа среднюю сваю сястру в замужство Граду, а на четвертый и меньшую — Грому.

Паадававши замуж сястёр, Федар Тугарин пашов странствовать. Ишов, ишов аж глядить: ляжить рать-сила пабитая. Ён и спрашивая:

«А хто тутачка есть живой, скажи, хто пабив сюю рать?» Во абазвався адин голас и кажа: «Падай вады напиться». Ён падав; той раненый и гаворя: «Иди, папитай у другой рати». Ён пашов и убачив другую рать-силу пабитую, спрасив у той, хто яё пабив. Тут голас сказав, штоб ён ишов дальше и спрасив у третьей. Як дайшов ён да етай рати и спрасив, тут голас сказав яму, што усе три рати пабедила Анастасия Прекрасная, а сама яна тяперь в шатре аддыхая. Федар паехав. Приехавши да шатра, привязав каня и, вашедши в палату, лёг сбоку. Анастасия Прекрасная праснулась и, разбудивши Тугарина, кажа: «А што, ти будим биться, ти мириться?» Ён кажа: «Кали наши кони стануть биться, тагда и мы будим». Во яны спустили сваих каней. Кони панюхались и стали лизать адин другого, а воупасли начали пастись. Дак Анастасия Прекрасная и кажа Федару Тугарину: «Будь ты мне муж, а я тябе жана». И, паседавши на каней, поехали дамов. Живуть сабе да паживають Федар и Анастасия, як галубкí.

Во раз Анастасии захателась паехать на ахоту; сабравшись, яна кажа мужу свайму: «Усюды хади па майму дому, толька не иди туда, где дверь лычком завязана и глиною залеплена!» Там висев Змей, який хатев силаю взять за сабе замуж Анастасию; яна яго пабедила и павесила за рябро. Як паехала Анастасия на ахоту, Федар усюды хадив, усё разглядав, а дале не втерпев и пашов, куда яму не вялела жана яго. Глядить, аж там висить Змей на

'дном рябре. Убачивши Федара, ён кажа: «А, здрастуй, храбрый Федар Тугарин! Пасаби мини трошки». Ён пасабив. «Ящё!» Ён и ящё. «Ящё!» Ён и ящё. Во Змей знявся с крюка, палятев да й кажа: «Спасиба ж тябе, я тябе в великой пригоде знадоблюсь». Пустивши Змея на волю, Федар адумавсь да и кажа: «Рассердится на мене тыперь жана!» Падумавши так, ён узяв да и пашов из жаниного дому.

Ишов Федар да ишов, глядять — аж стаить дом. Ён, падашовши к таму дому, приходя к дверям да кажа: «Господи Иисусе Христе, сыне божий, памилуй нас грешных!» Женский голас из светлицы яму атвечая: «Кали добрый — явися, а кали ледачий — прахом возьмися!» Федар вхóдя в светлицу, глядь, аж там яго сястра. Убачивши брата, яна яму кажа: «Чаго ты, братику, пришов? Мой муж — Ветяр; будя беда!» А дале взяла яго да и схавала. Во лятить Ветяр; улятевши в хату, кажа: «Фу, Русь-кость пахня!» Жонка яму гавóря: «Вы лятали па Руси и набрались русского духу!» А дале: «Што, — кажа, — якбы мой брат приехав?» — «А што ж, — кажа Ветяр, — мы б пили, ели да гуляли!» Яна кажа: «Я вам яго преставлю», — пашла и вывела брата. Ветяр, пабачивши Тугарина, став рад; стали пить, да гулять, да добры мысли мать; гуляли усю неделю. А дале Федар, папращавшись, пашов да другой сястры, што була замужем за Градом. Федар рассказував зятям сваим и сястрам, як ён нажив сабе жану да безумием патеряв. Ён знав, што Змей, як ён адпустив яго, схватил изнаенацку Анастасию и унёс у сваю берлогу.

Пабывши у двух сястёр, Тугарин ишов да третьей. На дароге яго застигла ночь, а йон ящё не вышав из дремучаго лесу, па якому яму треба было идти. Ён падумав-падумав, да и аставсь начевать в лесу подле крыницы. На другой день ён только што праснувся, аж иде Анастасия Прекрасная па вадú в крыницу. Як пабачили яны адин другога — возрадувались. Яна рассказала яму, што Змей ухватив яё на ахоте и принёс яё в етат лес и што тут яны живут. Пагаваривши, яны сели на каней да и давай утыкать. Як ета все тварилась, Змей, муж Анастасии, быв на ахоте; конь пад ним спаткнувся. Ён спрашивая яго: «Чаго ты спаткнувся, коню, мой милый?» — «Як же мини не спатыкаться, — кажа конь, — Анастасия утыкла с Федаром Тугарином». — «Што ж, ти можем мы их дагнать?» — гавóря Змей. Конь кажа: «Можем пшаницы нажать, намалатить, паесть и дагнать». Ета все сделавши, паехали яны даганять Федара и Анастасию. Як только Змей пабачив их, став кричать, штоб стали; а яны всё сабе едут. Змей рассердився да як припудя каня, и дагнав бегляцов, да и кажа Федару: «Я табе кричав, штоб ты астанавився; я б табе прастив. Ты мене не паслухав,

так от тебе!» Взяв да и убив Тугарина и, взявши Анастасию, паехав дамов.

Зятя Федаравы, узнавши, што Змей яго убив, палятели, дастали цялющей и живущей вады и, прилятевши, исцялили и аживили Тугарина. Аживши, Федар кажа зятям сваим: «Фу, как я заснув!» Яны кажут яму: «Заснув бы навеки кали б не мы!» Ён их паблагодарив да и пашов изнов да крыницы, где бачив Анастасию. Глядять, аж яна иде па вадú: як убачила Федара, возрадувалась. Во ён и став прасить яё, штоб яна выпытала у Змея: где можно дастать такога каня, штоб яд яго утекти, и где яго смерть? Анастасия абещала яму ета и, набравши вады, пашла дадому; а Змей быв на ахоте. Анастасия пашла дамов, пагаваривши с Федарам; а ён астався у крыницы даждидаться, што яму скажа яго любезная.

Во еде Змей з ахоты. Анастасия вышла яму навстречу, взяла каня за узду и увела в канюшню и, пришедши в хату, стала целавать и милавать Змея, а дале и кажа: «Який у вас коня скорый! Ти можна где-нибудь дастать такога другога каня, штоб ад вашего утёк?» Змей развежився ад ласак Анастасии, бо яна яго никали не ласкала, савсем забывся да и признався на сваю беду. «Есть, — гаворя, — адна баба, у каторай двенадцать кабылиц, и як дастать ад тых кабылиц каня, то той майго перегоня; только трудна дастать у той бабы, бо яна таго, хто сяго хоча, нанимая на три дни стярегги кабылиц, а як только сторож засне (бо баба дае всякаму соннае зелье) — кабылицы утякут. Во баба сама их найдя, а сторожу здяре з спины паласу да и прагоня». Анастасия, приласкавшись, гаворя Змею: «А где твая смерть? Ён кажа: «Есть на острове камень, а в том камне заяц, а в том зайце вутка, а в той вутке яйцо, в том яйце жавток, а в том жавтке каменёк: то мая смерть!» Выпытавши всё ета, Анастасия пересказала Федару. Ён рассказав зятям; во яны палятели шукать таго камня, а сам Тугарин пашов да бабы даставать каня.

Иде да иде Федар, аж вавкí бьются за кости. Ён им падялив; яны яму паблагодарили и сказали, што будут яму в великой пригоде. Иде Федар да иде, аж пчолы бьются за мед. Ён им падялив; яны яго паблагодарили и абещали то ж. Далё ён убачив, што раки бьются за икру. Ён им падялив; яны яму абещали то ж, што вавкí и пчолы. Ишовши ти мала, ти багата, Федар прихóдя к хате, а в той хате жила баба, у якой были двенадцать кабылиц. Вашóвши у хату и паздаровавшись з бабою, Тугарин став яё прасить, штоб яна приняла яго стяречь кабылиц. Баба и кажа яму: «Што ж ты вазьмешь з мене?» Ён кажа: «Аднаго жеребчика». Баба кажа: «Кали устярежешь три дни, то дóбре!» Ён согласився.

На другой день Федар устав, умылся, богу памалился да и пагнав кабылиц на луг. Баба дала яму на снаданье пиражок, а в том пиражку соннае зельё. Тугарин, пригнавши кабылиц на луг, разпустив их пастись, а сам став ести пиражок, што дала яму баба. Як паедáв ён таго пиражка, и заснув, и спав два дни, а кабылицы далеко парасходились. На третий день Федара штось начало кусать; ён праснувся, глядять, аж то тые раки, што ён им икру падылив. Во яны и кажуть яму: «Вставай да шукай кабылиц, а то приде баба, буде тябе беда!» Ён стрепянувся да и хатев шукать кабылиц; глядять, аж тые вавкí, што ён им падылив кости, и тыя пчолы, што ён падылив им мед, жануть кабылиц. Тугарин, пабачивши их, возрадувався, паблагодарив раков, пчол и вавкóв да и пагнав кабылиц дадому. Баба, убачивши, што Федар жане кабылиц, вышла яму навстречу да и кажа: «Счастлив жа ты, што устярег, а то была бы тябе беда!» А дале привяла яго у хату, дала яму есть, а сама пашла у канюшню да кабылиц. Федар ти ев, ти не ев, встав да и пашов и, пришовши да канюшни, так што баба яго не бачила, став падслухáть, што баба будя рабить. Яна взяла жалезный прут, стала бить кабылиц, приказывать, штоб усе яны дазавтра привяли па жеребёнку, а самая лучшая штоб привяла каростливага, штоб Тугарин не узнав, где лучший. Ён, выслушавши все ета, пашов у хату и лёг спать.

Уставши назавтра рана, Федар став требовать у бабы платы; яна павяла яго в канюшню и паказывая жеребят, што ночью привяли кабылицы, да и кажа: «Выбирай любога!» Федар, узнавши таго канька, павёв; во ён и кажа Тугарину чалавечаским голасам: «Дай мини три зари папастись на расе, тагда павядеш!» Федар сагласився. Як папасся той канёк день, став насить вполдерева, на другой день паверх дерева, на третий па паднебесью, да такий став красивый, што и узнать нельзя. Севши на таго каня, Федар паехав да зятьёв. Яны яму дали каменёк, што дастали на острове.

Взявши яго, ён паехав в той лес, где жила Анастасия. Приехавши в лес, ён паехав и став дажидацца яё у крыницы. Ти мала, ти багата ждавши, глядять, аж Анастасия бяжить па вадú. Ён яё узав, пасадив на каня и як ударить яго па крутым бедрам, конь панёс паверх дерева. Змей, бывши на ахоте, убачив, што Анастасия утякая, ударив и свайго каня и палятев даганяць; яго конь лятить паверх дерева да и кажа: «Дагнать мы дагоним, бо у Тугарина мой меньший брат, да Анастасии не атымеш!» Як только Змей став даганяць Тугарина, ён кинув каменёк и папав яму в лоб. Змей упав и прапав; а Федар Тугарин и Анастасия Прекрасная даехали благапалучна да свайго двара, стали жить да паживать да добры мысли мать, да и тяперь сабе живут. Я у гостях у их быв, мед-вино пив; у роти не былó, а только па

бараде тякло.

(Записано в г. Погаре Черниговской губ. учителем Н. Матросовым.)

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. — М.: Наука, 1984—1985.